

МАГИЯ ПОЛИТЭКОНОМИИ И МАГИЗМ ПОЛИТЭКОНОМОВ

**MAGIC OF POLITICAL ECONOMY AND MAGISM OF
POLITICAL ECONOMISTS**

Юрий М. Осипов (*Yuriy M. Osipov*)¹

JEL Classification: D83; O17; O 30;
Preliminary Communication

Primljeno / Received: May 07, 2012

Prihvaćeno / Accepted: February 21, 2013

Аннотация

Историческая судьба политической экономии – от возникновения до ухода, тщетность ее возрождения, необходимость постполитэкономии в виде теории хозяйства (economie), в рамках которой должна быть представлена и теория экономики (economika) – стоимости, денег, капитала, доходов, финансов, инвестиций, кредита и т. д.

Ключевые слова: *политическая экономия, теоретическая экономия, экономическая теория, теория хозяйства, философия хозяйства, философия.*

Abstract

The historical destiny of political economy – from the beginning to the end, the futility of its revival, the need for the post-political economy in the form of the theory of economy (economie), which should include the theory of economics (economika) – the value of money, capital, income, finance, investment, credit etc.

Keywords: *political economy, theoretical economy, economic theory, theory of economy, philosophy of economy, philosophy.*

Что говорить, есть она, магия политэкономии – издавна славной и совсем еще недавно неприкасаемой и незыблемой науки, как есть и магизм политэкономов – что построивших когда-то старательно большой политэкономический миф, вдруг канув-ший нежданно-негаданно в идейную Лету, что чающих его чудесного внезапного воскрешения и... продолжения, продолжения, продолжения!..

И невдомек почему-то политэкономам, что все тут не просто-так, что политэкономия, повитав порядочно вокруг своего так и не проявленного убеди-

¹ Lomonosov's Moscow State University, Faculty of Economics, Russia, E-mail: eszotova@mail.ru

тельно предмета, сначала приказала сама себе долго жить, перевоплотившись в вульгарную (то бишь поверхностную), еще и вольно математизированную (то бишь в высшей степени-де научную), экономическую теорию, а лучше бы сказать — в набор экономиче-ских теорий, между собой никак не связанных, а потом политэкономия получила приказ извне, уже от властей — умереть и никогда не воскресать, будучи навсегда замещенной конгломератной (постмодерновой) экономической теорией.

И все-таки на многих устах сегодня все-таки политэкономия, этот удивительный, притягательный, прямо-таки магнетирующий миф!

Что же это такое — политическая экономия, и почему она все-таки более всего миф, и почему же столь до сего дня магнетирующий?

Политэкономия заявила о себе как самостоятельная отрасль знания в XVIII в. в Европе, прежде всего в Англии, хотя само словосочетание «политическая экономия» явилось на свет во Франции еще в начале XVII в. по инициативе Монкретьена, написавшего тогда оригинальную работу — «Трактат политической экономии».

У любого еще-не-политэконома возникает естественное желание уяснить поначалу, что же означают слова, входящие в столь интригующее сочетание — политическая экономия. И ежели такому любознательно-неофиту покажется, что достаточно задать вопрос любому уже-политэконому и получить сразу же искомый ответ, то он глубоко ошибется, ибо никакого сколько-нибудь ясного ответа он не дождетя, ибо что «экономия», что «политическая» не только многозначны, но и вообще, пожалуй, ничего по случаю не значат, точнее, означают, конечно, что-то, но что-то совершенно при этом неопределимое, а потому и означают в общем-то... ничто! И что-то этакое, разумеется, имеется в виду, вроде бы для всех политэкономов и приемлемое, им чуть ли не понятное, но вот что же именно... о-о!.. до сих пор так, знаете-ли, почему-то из идейного тумана-то и не вышедшее.

Жила-была политэкономия, не зная ничего о себе вполне достоверного, да и ушла вдруг куда-то, так ничего о себе и не узнав, — не любопытно ли это, не курьез ли тут всесветский? А ведь сколько было по многим странам и весям трудов, раздумий, текстов, предложений, трактовок, споров, решений и... никакого тебе окончательного разрешения — от самого рождения до... э-э... ухода!

Главное слово здесь, конечно, экономия, с греческого языка вроде бы домоводство, домохозяйство... но какое же такое домоводство у основателя политэкономии француза Монкретьена или «основателя классической политической экономии» англичанина Петти, ежели пишут они по преимуществу о торговцах и промышленниках, о товарах и рынках, о ценах и налогах и т. п. вещах, которые к домоводству как таковому мало имеют отношения, короче, ежели следовать Аристотелю, то пишут они более о хрематистике, а не о домоводстве, тем более что само по себе домоводство, по показаниям всех без исключения домохозяев, ни в какой научной экономии, да еще

и политической, не нуждается. Интересно, что и торгово-финансовые финикийцы, как и промышленно-торгово-финансовые европейцы, ни в какой специальной абстрактно-теоретической (философической) науке тоже никогда испытывали нужды. Так в чем же дело: что есть на самом деле, по Монкретьену и Пети, «экономия» — домоводство или же что-то другое, скажем, общественное хозяйство или хозяйство общества, как и попросту хозяйство в общественном масштабе, а скорее, наверно, все-таки хрематистика в общественном масштабе, что то же самое товарно-денежное, оно же и капитальное (капиталистическое), хозяйство?

Получается, что «экономия» тут никакая не экономия, если, конечно, за дом не посчитать все общество в целом, что сделать все-таки нельзя, ибо разделенное на частные хозяйства общество своего собственно общественного хозяйства (домохозяйства) вести никак не может, а если и может, то хрематистическое, следственно, не самое... «домовитое».

«Экономия» в политэкономии, таким образом, — явная условность, если не «невольная» обманка, так и не получившая четкой характеристики. Вышло так, что это всегда была некая жизнетворная сфера, где наличествовали блага, товары, деньги, цены, капиталы, предприятия с работниками и машинами, банки, кредиты, рынки, собственность, имели также место присвоение, богатство, производство, обмен, распределение, потребление, а также налоги, бюджеты, инвестиции, валютные курсы, финансы, ценные бумаги и т. д. и т. п. Это-то всегда и видели перед собой политэкономы, воображая в уме весь этот как бы экономический мир и выделяя из него в качестве предмета изучения что-нибудь особенно для каждого из них привлекательное: богатство ли, производство ли, воспроизводство ли, ценность ли, отношения ли, конкуренцию ли, собственность ли, присвоение ли, воровство ли, сотрудничество ли, эксплуатацию ли, доходность ли... Вот так и бытовала сотню-другую лет политэкономия, перескакивая от предмета к предмету и споря сама с собой, никак предмет свой окончательно так и не определив. И получилось, что «экономия» есть нечто и есть вроде бы все возможное в этом нечто, но в то же время это всегда оказывались какая-нибудь конкретная частность и непременно при этом... всеобщее ничто!

Еще меньше шансов быть удовлетворительно объясненным оказалось у термина «политическая». Политика — искусство государственного управления. Если исходить из этого, то «политическая» есть синоним слова «государственная», отчего политэкономия оказывается не чем иным, как учением о государственном «домоводстве», «домохозяйстве» или же попросту хозяйстве. Что ж, неплохо, и, надо заметить, политэкономия совсем и не чуралась этого, ведя рассказ о государственной собственности, государственных деньгах, госбюджетах, госфинансах, государственных доходах и расходах, налогах и сборах, государственных землях, лесах, недрах, водах, но и государственных заводах и фабриках, портах, флотах, дорогах, равным образом и о государственных служащих, армейцах, полисменах, крестьянах, рабочих, как и,

конечно же, о тюрьмах с тюремщиками и заключенными в тюрьмах сидельцами. И если бы политэкономия оставалась в пределах государственного хозяйства, то и проблем бы никаких не было: вполне законной тут была бы именно политическая экономия.

Столь же допустим термин «политическая» и в случае, если это касалось бы государства не как только учреждения (аппарата), но и как территории, как страны. Можно было бы использовать здесь и слово «национальная» — как синоним «политической» и более по сути адекватное предмету, но и «политическая» тут вполне подошло бы.

Прошло бы это словечко и в случае особого внимания к тому, что обычно называется экономической политикой: политикой по поводу экономики (но уже не только в духе греческого домохозяйства) и политикой, осуществляемой экономическими средствами (денежной, кредитной, валютной, налоговой и т. д.). Однако политэкономия в своем «политическом» рвении сразу же вышла за пределы государственности, страноведения и политики как таковых, а занялась... ну, правильно... однеженной, отоваренной, обобменной, окапиталенной, обрыноченной... э-э... экономикой, точнее же, как раз именно экономикой, но, заметим, не домоводством вовсе, даже и не помещьеводством, как и не ремесловодством, и не фабриководством, а тем, что за пределами дома, поместья, ремесленной мастерской, фабрики, или, скажем так, между всеми ними, занялась как раз тем, что относится к междомью, межпоместью, «межпредприятству» — к общественной системе опосредованных деньгами товарно-обменных отношений, приносящих его участникам денежный доход: позволяющих делать деньги в процессе воспроизводственного движения денег (через производство на деньги неденежных благ, их товарообмен с участием денег; через кредитование деньгами и т. д.), в общем — через превращение денег в капитал.

Отсюда выходило, что политическая экономия была фактически экономией не дома, а капитала, капитальной экономией, капиталистической экономией, и должна была бы по сути так вот и называться — капитальной (капиталистической) экономией, а ежели предпочла все-таки словцо «политическая», то, видно, из уважения ею общего капиталофильского курса, взятого в те времена передовыми европейскими сообществами (курса как политики или же политики, поощряющей подобный курс).

Тут убивались сразу три зайца: одобрялся и пропагандировался феномен капитала; обосновывалась любая политика в его пользу; прикрывалась, а то и оправдывалась вся неблагоприятность капитала как вполне зверской по тем временам практики.

Выходило, что в политическую экономию был сразу же заложен мощный идеологический момент, как раз и обозначенный словом «политическая» и сопровождавший исследовательское повествование о текущей реальности, представленной нейтрализующим словцом «экономия».

Политэкономия в итоге сложилась как учение о капитале и капитализме, причем более идеологическое, чем онтологическое, а само название «политическая экономия» служило не отражению сути предпочтительного предмета, а играло роль мифоподобного его прикрытия.

Вот и случилось двойное мифотворение: в предмете, который так и не был никогда достойно определен, и в столь неопределенном, если не в неяршливом, содержании, полном по идейно-научным соображениям неясностей, неразрешимых противоречий, выдумок, легенд.

Политэкономия родилась как адепт капитала и капитализма, постеснявшись при этом честно об этом заявить, хотя бы назвав себя, к примеру, капиталоведением или же, на крайний случай, экономоведением, обозначив при этом экономику как однеженную, товаро-обменную, капитальную, рыночную и т. п. практику. Тут все было бы не только честнее, но и, наверное, жизнеспособнее. А ведь фактическая жизнеспособность у политэкономии оказалась не очень-то устойчивой, а историческая судьба — не просто турбулентной, но и вряд ли по большому счету завидной.

Не успела политэкономия в английской (смитовско-рикардианской) интерпретации воцариться в интеллектуально-политическом пространстве достопочтимой Европы, как оказалась подвергнутой острой критической ревизии, смелым концептуальным корректировкам и даже вполне последовательному отрицанию. Стали возникать вдруг... другие, а потому и весьма разные политэкономии, и ничего страшного тут поначалу в общем-то не было: на место одного мифа просто приходил другой, а какой из всех был самым при этом реалистичным, кто ж это знал? Предмет ведь был размыт, задачи сокрыты, содержание туманно и вариативно. Пovyлупливались разные школы политэкономии, среди которых были вдруг замечены и... не совсем политэкономические, скорее — постполитэкономические... строго-де научные, фактологические-де, математические-де. Однако перед окончательным низвержением политэкономии возымел место... потрясающий любое воображение... расцвет политэкономии, связанный с именами Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

То был явный апогей политэкономии, но то было хотя и высшее, но и последнее ее слово, увы, не удержавшее политэкономии как незыблемое знание не то что в вечности, но хотя бы еще на одно столетие. Будучи приверженцем, хотя и критически настроенным, английской версии политэкономии, получившей, как известно, прозвание классической, Маркс, завершив системно-исследовательски саму эту версию, дал такую ее идеологическую критику, при которой единственным результатом могло быть только... полное отрицание как самого предмета классической политэкономии, который Маркс честно назвал капиталом, так и самой этой политэкономии, но уже ради изменения самой социо-экономической реальности — перехода от капитала, то бишь экономики или экономии, к некапитальному образу «домоводства» — без частной собственности, наемного труда, денег, товарооб-

мена, рынка и всех остальных атрибутов капитало-экономики, или же, вспомним Аристотеля, хрематистики.

Маркс, доведя рассмотрение капитализма до его полной эксплуататорской крайности, отверг вообще капитализм, предлагая заменить его социализмом, но тем самым подписал приговор и... самой политэкономии, которая была как раз учением о капитале и ему-то верно, хоть и мифотворчески, служила. Социализму уже никакая политическая экономия не была нужна, ибо в нем ничего не оставалось ни от экономии-экономики (капитало-хрематистики), ни от капитало-эксплуататорской политики, ее старательно обслуживавшей. Маркс, как вместе с ним и Энгельс, стал последним крупным классическим политэкономом и первым крупным, потом уже и классическим, непolitэкономом, а попросту идеологом непolitэкономического социализма, но при этом вроде бы уже не утопического, а... чуть ли не реального, ибо... научного-де!

Несмотря на суровый приговор со стороны Маркса с Энгельсом, политэкономия, конечно же, продолжалась, но все более теряя свою идейную привлекательность и саму исходную политэкономичность, обретая абстрактно-нейтральные, поверхностные, описательные характеристики, пока не выродилась в уже вполне непolitэкономическую экономическую теорию, точнее, в сонм экономических теорий, а еще точнее — неких системоподобных взглядов по поводу экономики: маржиналистских, институционалистских, кейнсианских, «неоклассических» (правильнее было бы сказать — неклассических), эконометрических, монетаристских, неинституционалистских и прочих, прочих взглядов.

Ежели классическая политэкономия никогда не была концептуально единой, но всегда отличалась некой предметной общностью, то теоретическая экономия, более называемая вокруг попросту экономической теорией, вообще не предполагала никакой внутри и для себя целостности — ни предметной, ни методологической, ни концептуальной, не без восторга приветствуя вдруг утвердившуюся в мире европейского Постмодерна бесподобную эклектику. Политэкономия хотя бы стремилась к некоторому отражению реальности и ее идейному оправданию, а постполитэкономия если и ставила перед собой какую-либо научно-исследовательскую задачу, то только ей себя и посвящала (институционализм, кейнсианство, монетаризм, неинституционализм), не слишком заботясь об адекватном отражении реальности, а все попытки целостного-де представления о реальной экономике сводила к ради самих себя сконструированным моделям (маржинализм, эконометризм, «неоклассицизм», факториализм и т. д.).

Нельзя сказать, что в ряде теорий (либерализм, институционализм, кейнсианство, дирижизм, неинституционализм) не содержалось того или иного рационально-реалистического момента, но все эти моменты затрагивали частности и не могли стать элементами целостного и вполне реалистичного абстрактно-теоретического представления об экономике. Даже кейнсианство,

несмотря на всю свою вроде бы политэкономичность (речь в нем ведь идет о государственной экономической политике, государственном «домоводстве»), ушло куда-то вбок от экономики, объясняя экономическое поведение экономических субъектов более всего психологическими моментами, а не принадлежностью этих субъектов к капиталу, имеющему «наглость» иметь свои собственные, вовсе не психические, принципы реализации (воспроизводства).

Отход всей постполитэкономической науки от феномена капитала был, конечно, не случаен: очень уж не хотелось адептам капитализма в разгар его собственного общего кризиса (с конца XIX в.) говорить о капитале, который, приняв к тому времени финансово-корпоративный характер, стал главным источником хронических неурядиц, острых кризисов и великих потерь в экономике, а также мощного напряжения в обществе (усиления классовой борьбы) и в международных отношениях (колониализм, эксплуатация слабых стран сильными, подготовка и ведение мировых войн).

Экономическая наука, потихоньку распрощавшись с классической политэкономией, все дальше уходила от феномена капитала, или же капитала как социо-хозяйственного феномена, переключив внимание обучающегося в университетах «экономического человека» на так называемые механические факторы, в состав которых капитал уже попал в виде средств производства и только, на полезности, на предельные эффекты, на рынок, спрос и предложение, на сотворенную ценность денег и текущую инфляцию, на конкуренцию и олигополию, на инвестиции, доходы, накопление, на финансы, кредит, ценные бумаги, бюджеты и т. д. и т. п., в общем — на экономическую поверхность, на экономическую феноменологию, начисто забыв о глубине, сути, сущности, ноуменологии, полагая, что ничего, кроме явлений (фактов), нет и быть не может, что одно явление (факт) зависит от другого (или одно влияет на другое) и все явления (факты) никак не определяются никакой действующей в глубине, на сущностном уровне, ноуменальной силой. В общем — одни явления (факты) и никаких тебе сущностных субстанций! Но при этом и воистину бесподобное мифотворчество, знаете ли, совершенно уж научное.

Классическая политэкономия, она же собственно политэкономия, создававшаяся не математиками, а философами, не только не пренебрегала сущностной стороной бытия, но и старалась соответствующим образом трактовать экономическую реальность, не только заметив феномен капитала в качестве главного феномена интересовавшей ее экономики (капитализма), но и дав этому феномену сущностно-субстанциальное толкование — как движущейся и возрастающей в своем движении особой, причем невидимой, субстанции — стоимости; мало того, политэкономия постаралась и стоимости дать субстанциальное толкование, приняв, будучи научно-материалистической, за таковую человеческий труд, участвовавший в производстве товаров.

И ежели с идеей стоимостного содержания капитала было все в порядке (субстанциально-стоимостное толкование капитала — величайшая заслуга классической политэкономии!), то с идеей трудового содержания стоимости не так все было замечательно, ибо объяснить удовлетворительно трудовое исполнение и наполнение стоимости не удалось, да и было такое объяснение попросту невозможным. Не только стоимость не материальна, но и труд-то вовсе не материален (где он — труд? даже и как затрата какой-то там биологической энергии?), а политэкономия, верная научной, то бишь материалистической, философии (идеологии), не могла не давать именно материалистического (научного, физического) объяснения реальности — совершенно и не материальной. Бес тут научно-материалистический вконец попутал политэкономия, уклонившуюся от метафизической философии в сторону науки (физики) и материи (плоти) и не нашедшую удовлетворительного решения насчет феномена стоимости, а соответственно — денег, цены, капитала, доходов, инвестиций, кредита и т. д.

Маркс с Энгельсом довели трудовую концепцию до совершенства, но... из этого ничего, кроме полного концептуального тупика, не вышло. Марксово V — не труд вовсе, производящий-де стоимость, а лишь его оценка (цена), причем рыночная, а M — доход на весь затраченный капитал, а не трудовое производное от V , которое означает не более чем заработную плату и никаким переменным капиталом не является. И C — величина вовсе не постоянная, хоть и переносимая регулярно на стоимость продукта (до поры до времени — до кризиса). Цена продукта — вовсе не $C+V+M$, т. е. не сумма этих величин, а большая величина, распадающаяся на C , V и M , где M — никакая не прибавочная стоимость, а попросту прибыль на обращающийся капитал. Средняя прибыль (как тенденция) имеет место до межотраслевого обмена, а потому и до межотраслевого перелива капитала (в противном случае межотраслевой обмен вообще состояться не может; он идет сразу с усреднением прибыли). Органическое строение капитала, если и есть как таковое, не имеет никакого отношения к величине валового дохода капиталиста и прибыли, как не имеет прямого отношения к падению общей нормы прибыли.

Цены образуются более посредством их прямого вменения, чем их «производства». В экономике полно цен на непроеданные товары (земля, недра, леса, воды), либо произведенные давно, в иных местах, при иных рыночных условиях, как и полно цен на редкие, уникальные, виртуальные, фиктивные вещи. Ни количество труда, ни величина полезности, ни размер потребности, ни соотношение спроса и предложения и т. п. «штучки», если и имеют отношение к ценообразованию (как-то сбоку), в основании цены сами по себе не находятся. Цена — вмененная оценка, причем субъективно-объективная, частно-общественная, случайно-закономерная, произвольно-порядковая. Цены зависят прежде всего от воспроизводственного движения стоимости, от такого же движения капитала, от такого же движения финансов,

причем движения поэлементарного и всеобщего, партикулярного и целостного, локального и тотального, структурированного и «распоточенного».

Цена денежной единицы назначается сверху, хотя и с последующей корректировкой снизу (объективной) и сверху (субъективной). То же самое и с количеством (массой) денег в обращении.

Стоимость не в одних лишь оценках (ценах), не просто в денежной единице и в сумме денег. Она еще и в денежно-финансовых потоках. Мир стоимости — мир стоимостных цифр, чисел, величин, масс, потоков. Стоимость — не только величина ценности, но и движущаяся туда-сюда ценностная масса. Это совершенно идеальная, духовная, эфирная вещь, но в то же время и огромное счетно-решающее устройство, в составе которого не только цены, деньги и денежные потоки, но и их — этих цен, денег и денежных потоков — субъекты, как раз те самые экономические люди, которых когда-то очень хорошо заметила политическая экономия.

Экономика вся в сфере сознания, в ноосфере, в людях, в их, можно надеяться, головах. Иного места в реальности для экономики (хремагистики) просто нет.

Производство благ, как и их движение, потребление — никакая не экономика, а самое обыкновенное хозяйство. Что экономического в доме, пока он не продается, как и в ведении дома, пока не наступает момент квартирной платы или оплаты налога на домовое имущество? Что экономического в вообще жизнеотправлении, если никто ничего не продает и не покупает, не пользуется деньгами? Что экономического в семье, заводском цехе, научной лаборатории, учебном заведении, конторе адвоката, кабинете администратора, армейской казарме, драматическом театре, публичной библиотеке и даже в скопище вещей — потребительских благ на каком-нибудь складе, в магазине или прямо на рыночных прилавках? Ничего! До того момента, пока не наступает товарообмен, оценка, оплата, обращение денег, получение кредита и т. д. и т. п. Вот тогда экономика тут как тут, причем не в статике, а в непрерывном движении. Те же лежащие в кармане деньги всего лишь потенциальная экономика, не более чем груда золота, пачка бумаги, скопище цифр, но никак не экономика. Экономика — стоимость, ее счет-расчет, ее управляющая функция, ее господство. Разве произвольный виртуальный финансизм, эта чистейшая экономика, сегодня не в фаворе, а-а?

Классическая политэкономия совершила вполне достойный приступ на экономику, на капитал, на стоимость. Но, ограниченная сциентизмом с материализмом и сориентированная заданным извне идеологизмом, что, так сказать, буржуазным, что пролетарским, так и не смогла адекватно раскрыть реальность и дать ей подобающее объяснение, причем и в марксистском понимании тоже.

Многое сказала политэкономия — и много ценного! — да вот не все. Как и не могла все сказать, а предпочла запутаться в собственных неразрешимых противоречиях, впала в «личный» кризис, из которого так и не вышла, хотя и

породила кучу отрицающих ее уродцев, еще-де более научных, совсем будто бы деидеологизированных, якобы всю точных, но... не просто все менее реалистических, но совершенно уже виртуальных, суррогатных, фиктивных.

От философии (мировоззрения), пусть и идеологизированной, к науке (тоже не избежавшей идеологизации), а затем, с одной стороны, от науки к ее явной симуляции, а с другой — от становящейся ненужной теории к всю нужным технологиям. Таким оказался исторический путь экономической науки, начавшейся как политэкономия, бытующей ныне в виде сонма («класстера») экономических теорий, а заканчивающейся в образе вездесущей «прикладнухи».

И вот сегодня оживленно будируется вопрос о возрождении политэкономии, чуть ли не ее воскрешении. Магия политэкономии ох как сильна, а магизм политэкономов безграничен и совершенно неуправляем! Не знаем, что возрождать и как воскрешать, кроме вброса в повседневность магического словосочетания «политическая экономия» и жгучей жажды оживления чего-то текстуального с этим словосочетанием связанного, но... понятно, наверное... что ожидаем какого-то цельного, обобщающего, вполне и реалистичного знания, как и посредством... тут уже не столь ясно... то ли возврата прежней и любимой политэкономии XVIII—XIX вв., то ли все-таки разработки какого-то нового политэкономического учения, а скорее всего уже бывшего, и присовокупления к нему еще не бывшего, но вроде бы возможного.

Да, учение о капитале может и должно быть сегодня. Но, во-первых, какое учение: то ли старое тупиковое, то ли новое... опять же какое? И, во-вторых, кто из властей предрешающих позволит сегодня всерьез и широко заниматься в университетах более или менее реалистическим учением о капитале? Время реалистичной политэкономии, даже полу- или недо-политэкономии, ушло, и ушло безвозвратно! Может, возможна какая-то иная политэкономия, но в таком разе что же такое все-таки «экономия», а что такое сегодня «политическая»?

Если что сегодня и возможно, то, на наш взгляд, учение о хозяйстве как реальном жизнеотправлении человека, а в рамках этого учения уже может иметь место учение об экономии как частном случае (подсистеме) человеческого жизнеотправления или хозяйства. И это, заметим, без всякой надежды на весомое и повсеместное преподнесение такого рода знаний в современных университетах.

И дело тут не только в обструкционистской политике нынешних управителей мира сего, не желающих раскрытия сути ни капитала с его рентным по преимуществу доходом, ни финансов с их тотальной долговой (кредитно-инвестиционной) кабалой, ни тех же денег, потерявших всякую реальную ценностную обоснованность, но зато позволяющих финансовому капиталу господствовать на планете, эксплуатировать ее население вкупе с природой, управлять всем человеческим миром, ни тех же цен, с их произвольно вменяемыми сверхвеличинами и т. д. и т. п. Сильным мира сего совсем не хочется

раскрывать сложившейся в мире эксплуатарской иерархии; механизмов господства финансизма над экономизмом, а экономизма надо всем жизнеотправлением человека: доминирующего значения транснациональных корпораций и управляющей роли объединяющего их глобалистического штаба; скрытых механизмов управления массовым сознанием и «возникающими» в населенческих массах потребностями; борьбу современных империалистов за полный контроль над планетой, ее ресурсами, как и надо всей судьбой человечества; глубинных и скрытых мотиваций повсюду происходящих реформ, революций, переворотов, восстаний, войн; саму реальную возможность Вселенского Армагеддона. Да, властители современного бытия не склонны допускать в университеты эзотерических знаний, а потому и поощряют их замену на ничего не говорящие о реальности абстрактные эзотерические, научные-де, либо вроде бы математизированные теории и «теоретически» обоснованные учения о прикладных технологиях вроде маркетинга, логистики или инновационизма. Слов нет, любые феноменологические знания нужны, но нужны ведь и знания глубинно-обобщающего порядка, в ряду которых и была когда-то политическая экономия, пусть и не избегшая концептуальных противоречий и логических несуразностей.

И если кто-то наверху не приемлет ныне политэкономии по идейно-властительным прежде всего соображениям, то широкий ученый мир не приемлет ее как раз по причине ее неизбежного эзотеризма, склонности к познанию сущностей, сближению с субстанциональностью, постижению ноуменальности, одним словом — тенденции к метафизической философичности. И если многочисленных представителей так называемых прикладных наук тут понять вполне можно (зачем им вся эта эзотерическая заумь?), то всего труднее понять адептов политэкономии, как черт от ладана бегущих от эзотерики, философии, Софии, как раз всего того, через посредство чего можно только и прийти к новым а-ля политэкономическим суждениям и знаниям. Выходит, что политэкономам вовсе не нужна никакая новая, воистину при этом реалистическая, хирургически, можно сказать, вскрывающая реальность, мысль, а грежут они лишь о почившей в бозе, но все еще так сознательно-бессознательно любимой политэкономии.

Наблюдая кончину в отечестве славной политэкономии в начале удалых 1990-х, автор этих строк выступил с инициативой написать коллективно новый политэкономический учебник, для чего разработал по поручению коллег план учебника и подготовил в качестве примерного текст первой главы. Никто из тогдашних политэкономов МГУ на эту инициативу не откликнулся! Пришлось несчастному инициатору браться за гуж и самому разруливать зловредную ситуацию, написав большой трехтомный учебник. Однако назвать его пришлось не «Политической экономией», а «Теорией хозяйства», ибо вернуться к традиционной политэкономии, что стало совершенно ясно при работе над учебником, было уже невозможно [1].

Учебник не был собственно философией хозяйства и ею не стал, он был посвящен как раз теории хозяйства, во многом и политэкономии, но имел, безусловно, уже весьма выраженный философско-хозяйственный оттенок. Созидая новое представление о хозяйственной и экономической реальности, как и пересматривая и корректируя старое, автор стремился быть максимально приближенным к духу и слову классической политэкономии, но при условии освобождения от ее чересчур материалистической и механистической догматики.

И что же? А ничего! Ничего в датском королевстве не случилось! Замеченный многими отечественными и зарубежными учеными, даже удостоенный немалой с их стороны похвалы, учебник не только не был воспринят коллегами по университету, но и был попросту или дружно замолчен. А ведь это был первый за многие десятилетия торжества политэкономии в СССР объемный учебник, подготовленный одним лицом и по вполне оригинальному личному замыслу! Вышло в итоге нечто воистину поразительное: университетское политэкономическое-де сообщество вовсе не нуждалось в новых комплексных политэкономических разработках, а может, никакая новая политэкономия и впрямь уже была никому не нужной, как, собственно, не могло уже стать в РФ и никаких новых политэкономов!

Время политэкономии, видно, и в самом деле уже ушло, причем не так по причине концептуальной дерзости и приказной отмены ее преподавания в университетах, сколько вследствие самоликвидации политэкономии, ее отрыва от реальности и внутренней неразрешимой противоречивости, породивших сначала острый кризис политэкономии, а потом и неизбежное ее перерождение в неполитэкономическую науку. Трагедия политэкономии восходит к ее же зачину как материалистической и механической науки, как социальной физики, ибо объект познания тут вовсе... не материалистический и не механический, не тотально научный и совсем не физический, а почти сплошь эзотерико-метафизический.

Так и хочется воскликнуть: что вы, господа политэкономы, видите физического в деньгах, ценах, финансах, кредите, инвестициях, доходах, налогах, бюджетах, да ладно бы во всем этом, но и в тех же отношениях, товарообменах, конкуренции, рынке, монополиях, рекламе, логистике, что еще — в творчестве, изобретательстве, труде, во многих потребностях и полезностях, в поведении, что? А в таких моментах, как мораль, закон, совесть, подстава, предательство, распил? Нет тут ничего материального и механического, очень мало модельного, не так много и строго расчетного. Порядок какой-то, конечно, всегда есть, как есть и расчет, даже и моделирование кое-какое есть, но ведь «изпроизвольный» порядок, не полный и не самый точный расчет, а моделирование везде самое условное, очень ограниченное, «местечковое». Здесь больше всего места для стихий, вибраций, волн, расщеплений, отклонений, исключений, как и для насилия власти, господства, подчинения. Разве человек материален со всеми своими сознанием, волей, умом, психикой,

интуицией, всяким своим произволением? Или тот же социум материален, еще и механистичен, еще и физичен?

Экономический мир, или сфера экономики, — мир в основе и прежде всего метафизический, сфера в основе и прежде всего метафизики, что то же самое — мир-сфера сознания, идей, слов, цифр, чисел, проектов, оценок, расчетов, намерений, действий, мало того — это мир-сфера духо-идеальных субстанций (стоимость), феноменов (деньги, цены, капитал), процессов (движение денег, цен, капитала, инвестиций, доходов).

Экономика — не само по себе производство благ, их движение и потребление, а лишь опосредованное стоимостью, ее феноменальной выраженностью и ее движением, ее внутренним с участием субъектов счетом-расчетом, производство благ-товаров, их движение и потребление.

Все в экономике сводится к духо-идеальной, счетно-расчетной, всеобщей и всепроникающей стоимости, конституирующей в человеческом хозяйстве параллельный мир, особую сферу решений, входящих в хозяйство, в жизнь человека, в его бытие (ниспадающих на них), себе все это подчиняющих и надо всем этим господствующих.

Никакой экономики, рождающейся в среде хозяйства как натурального процесса и выходящей из хозяйственной среды, давно уже нет: то была предэкономика, а не собственно экономика, которая ныне вполне самостоятельна, доминационна и авторитарна. Экономика наверху, — это надстройка, а хозяйство внизу — это базис, но с тем условием, что не базис определяет функционально надстройку, а надстройка — базис. Это и есть феномен экономического, дошедшего в своем хозяйственном рвении до феномена финансизма, когда уже не реальное бытие лишь использует для себя феномен стоимости (когда стоимость просто служит хозяйству), а сама стоимость уже полностью определяет реальное бытие (когда реальное хозяйство служит стоимости).

Короче: в экономической реальности все совсем не так, как учила политэкономия, фактически застрявшая на предэкономике и ручном труде, на материальных благах, на прямой собственности и непосредственном предпринимательстве, и как учит ныне экономическая теория, расставшаяся вообще с понятием стоимости и лишь скользкая витиевато по фигуральной поверхности.

Экономика давно уже не снизу — от производства, от хозяйства, а сверху — на производство, на хозяйство. Но это не все: экономика в лице уже финансизма выливается обильно и на природу, и на человека как такового, и на сознание, и на идеи с информацией, и на творчество, и на психику, ибо все так или иначе теперь оценивается, покупается и продается, вовсе и не произведенное, без всяких там затрат труда, предварительных полезностей и обоснованных потребностей.

Жизнеотправление человека, конечно, масштабнее, богаче и сложнее экономики. В этом плане экономика лишь часть жизнепроцесса, причем очень амбициозная, крайне агрессивная и поразительно злобредная. Жизне-

отправление, или хозяйство, в исходе своем, впрочем, тоже прежде всего метафизическое, не сводится к экономике — этой духо-идеально-субстанциальной эгомашине, но было бы наивно недооценивать истинное место, роль и значение экономики — как хозяйствующей на планете мощной силы со всеми ее потрохами: долларом, тотальным кредитованием и тотальной задолженностью, ценными фикциями (бумагами-де), необъятными бонусами, изощренной эксплуатацией планетарного населения, безудержной и всепроникающей рекламой, манипуляционной обработкой сознания, моделированием поведения, зависимостью всех и вся от денег, денег, денег, то бишь доллара, доллара, доллара...

Да, тут есть чем можно было бы заняться новой политэкономии, но... во-первых, именно политической экономии (тут могла бы быть экономика как политика, и политика как экономика), во-вторых, кому это надо?, а в-третьих, кто ж позволит этакое... да еще, пардон, в университетах?..

Ну да, хватит о метафизике, субстанциях, сознании и прочих философических заумностях, все равно бесполезно: политэкономов ни в чем ином, кроме выученной когда-то как отчете наш добропорядочной политэкономии, не убедить, что и является, кажется, их главнейшим благоприобретенным за годы погружения в политэкономический застой достоянием.

Политэкономия — историческая по срокам возникновения и бытия наука, порожденная ренессансно-просветительским Модерном для собственных гуманистически-перестроечных нужд. Политэкономия обосновала необходимость, допустимость и важность экономики с ее частной собственностью, деньгами, капиталом, конкуренцией, предпринимательством, торговлей, банкирством, эксплуатацией наемного труда, производством благ, накоплением богатств, техническим прогрессом, производительными инновациями, ростом материального благосостояния. Восславив экономику и капитал, обосновав их неизбежность-де и итоговую для себя эффективность, а лучше бы сказать — капитал и экономику, политэкономия фактически уже выполнила свою главную историческую миссию. Нынешний финансизм ни в какой политэкономии не нуждается!

Политэкономия, возможно, и продлила бы свой золотой век, если бы... если бы уже в XIX в. не явились вдруг экономические (капиталистические) кризисы со своими банкротствами, безработицей и падением жизненного уровня населения; если б эксплуатация трудящихся не была бы столь изнурительно безудержной; если бы не было массового обнищания населения; если б не появилось сопротивление эксплуатируемых капитализмом стран, среди которых оказались и явные претенденты на место в царстве развитого капитализма тоже; если б не явились монополии (корпорации), занявшие господствующее положение в экономике и нагло диктовавшие экономическому сообществу свои «произвольские» условия: если б европейским капиталам не захотелось миромасштабной переделоческой войны.

В такой ситуации, — уже в целом для Модерна, а не только экономики общекризисной, — классическая политэкономия, мягко говоря, растерялась: нужное когда-то слово уже было сказано, а нового слова в поддержку капитала как-то не находилось. Нежданно-негаданно явилась совершенно новая политэкономия, но уже не капитала, а пролетариата, а по сути-то уже и не политэкономия: по меньшей мере контр-политэкономия, а по большей — анти-политэкономия. Испуганная политэкономия, отпрянув от социально-классового аспекта, ударилась, с одной стороны, в показ прикладных экономических-де механизмов, а с другой — в абстрактно-математизированное моделирование экономической-де поверхности. Даже с онаученной эзотерикой, не говоря уже о философской, было навсегда покончено. Политэкономия была либо отвергнута (как в случае с пролетарской «политэкономией»), либо преодолена (в процессе «изнутри» вульгаризации).

Кризис Модерна, капитализма и вообще экономизма обусловил кризис и крах служившей им классической политэкономии — этой полной исторического оптимизма науки, правда, не столько онтологической (объектно-объективной), сколько идеологической (субъектно-субъективной). Тогда-то и обнаружилось все аксиоматическое, парадигмальное и содержательное несоответствие политэкономии отражаемой и объясняемой ею реальности. Политэкономия вверглась в собственный предметно-концептуальный кризис, из которого она так и не вышла. Ни Маркс с Энгельсом, ни А. Маршалл, ни Кейнс из кризиса политэкономии не выгнали, не обладая, видно, талантами барона Мюнхгаузена, без всякой натуги вытянувшего себя из болота за собственные волосы.

И ежели на Западе политэкономия была вчистую переделана, да так, что от политэкономии в ней ничего и не осталось, то в СССР политэкономия пережила чуть ли не ренессанс, разумеется, в марксистской интерпретации. Нет, она не была как-то всерьез обновлена, наоборот, была лишь всерьез догматизирована — на уровне «Капитала» К. Маркса и Ф. Энгельса. Что касается теории империализма, то здесь не было никакого продолжения политэкономии, даже и марксистской, ибо вся марксистская эзотерика, бывшая уже догматической, для этого совершенно не годилась (невозможно было, к примеру, на основе марксистской теории стоимости объяснить ни монопольных цен, ни монопольной сверхприбыли, ни общего роста цен, ни роста нормы прибыли, ни роста заработной платы, ни феномена полной занятости, ни феномена пустых денег, ни хронической инфляции, ни продолжения самого капитализма, его проблемного, но неустанного воспроизводства, еще и постоянного перевоплощения). Так что теория империализма, сама по себе достаточно реалистичная, свелась не к собственно политэкономии, а к политэкономического характера учению о действовавшем империалистически капитализме. Недаром же все внимание совет. политэкономов было уделено показу «ленинских» признаков империализма, а не раскрытию глубинных зако-

номерностей обновленного капитализма (даже феномен огосударствления долгое время не удавалось присовокупить к пяти «ленинским» признакам).

Но еще более показательной в эсхатологическом плане оказалась судьба «политэкономии социализма». Да, в Марксовой политэкономии капитализма еще был капитализм — как предмет, как реальность, как интерпретация, во многом адекватная действительности, что означало, что было, что изучать, о чем говорить, что уяснять, даже о чем и поспорить. Что же касается политэкономии социализма, вроде бы марксистской (или марксистско-ленинской), то это был уже сплошной миф, причем миф, в отличие от того же Марксова мифа о капитализме, примитивно задуманный и неуклюже исполненный. Такой миф можно было только сплошняком отрицать. Если что и было реалистичного и приемлемого для восприятия в этом мифе, то представление о советской экономике (которая, кстати, была не экономикой вовсе, а всего лишь административно-управляемым натуральным хозяйством с использованием подвластных административному управлению экономических форм и механизмов) как о хозяйстве в целом государственном, административном, плановом (не рыночном), командно-директивном, общественном (не частно-собственническом), с принудительным, по-преимуществу распределением благ. Обойти все это политэкономия социализма, которая, повторим, вовсе не была политэкономией как таковой, а скорее, мифообразным учением о централизованном и тотальном административном управлении народным (общественным, страновым) хозяйством, никак уже не могла. В остальном же она выдумывала все, что считала нужным... для пропаганды советского социализма, причем крайне, из-за общей оторванности от реальности, неудачной. И что же тогда удивляться, что эта, с позволения сказать, передовая политэкономия сгнула в одночасье с научно-образовательной сцены по единовременному начальственному произволению!

И однако магия политэкономии остается, и магия эта сильна! Нет, не только по причине любви к политэкономии дипломированных политэкономов, но и потому, что классическая политэкономия и в самом деле касалась важнейших вопросов тогдашнего социо-экономического бытия. И сейчас, в эпоху уже мозаичного, калейдоскопического, эклектичного и переменчивого (как бы подмигивающего) Постмодерна, ученому сердцу и честному уму политэкономов очень бы хотелось продуктивного культивирования какого-то адекватного политэкономии знания — то ли глубоко и масштабно обновленной классической политэкономии, то ли всего лишь слегка подправленной эклектической политэкономии, то ли — о-о, ужас! — чего-то уже совсем другого... чуть ли не постэкономического, но все же как-то замещающего уснувшую летаргическим сном политэкономью. Но пока все сводится более к магизму политэкономов, заклинающих неблагоприятную для них научно-просветительскую действительность, вызывающих старательно бодрый дух впавшей в кому политэкономии, без усталости вертящих в разные стороны

весьма уже потертую, но будто бы еще чудодейственную, политэкономическую столешницу — авось что-нибудь да на ней выскочит!

ЛИТЕРАТУРА

Осинов Ю.М. Теория хозяйства. Начала высшей экономики: В 3 т. М., 1995 — 1998.